Своими воспоминаниями
о Михаиле Григорьевиче Розенберге
с нами поделилась его супруга
Ирина Александровна ИКОНИЦКАЯ

ОН ВСЕГДА БУДЕТ СО МНОЙ, В МОЕМ СЕРДЦЕ

Родилась в 1933 г. в г. Ростове-на-Дону. В 1959 г. окончила юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1964 по 1968 г. обучалась в заочной аспирантуре Института государства и права АН СССР. В 1968 г. защитила кандидатскую диссертацию «Разрешение земельных споров», в 1980 г. — докторскую «Проблемы эффективности в земельном праве». И.А. Иконицкая работала в секторе сельскохозяйственного и земельного права ИГП РАН до перехода на должность заместителя директора Института, однако и в этом качестве продолжает работать по проблематике сектора. С 2010 г. — советник дирекции Института государства и права РАН, до этого более 15 лет — заместитель директора Института. Несколько лет была главным редактором журнала «Государство и право», в настоящее время — член редакционного совета журнала. Член Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, член Института международного и сравнительного аграрного права (г. Флоренция). Принимала активное участие в подготовке проектов нормативных правовых актов, в частности Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик 1990 г., а также выступала неоднократно в качестве эксперта при подготовке Земельных кодексов России 1991 и 2001 гг. В настоящее время является членом рабочей группы по разработке проекта Федерального закона о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ применительно к регулированию земельных отношений. Автор свыше 150 научных работ, в том числе 7 индивидуальных и коллективных монографий и 4 учебников. Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

— Ирина Александровна, все вспоминают Михаила Григорьевича как необычайно преданного профессии человека, который посвятил жизнь служению юриспруденции. Вы не только близкий ему человек, но и известный ученый, представитель российской правовой науки. Как бы Вы охарактеризовали Михаила Григорьевича с профессиональной точки зрения?

— Он имел колоссальный опыт, и я к нему прислушивалась. Для меня его мнение о моих работах и подходах было очень и очень важным. В особенности в последнее время, когда началась реформа Гражданского кодекса, в том числе в части правового регулирования земельных отношений. Я с Михаилом Григорьевичем очень много обсуждала эти вопросы, и мне было очень приятно, когда он разделял мою точку зрения, потому что был не только специалистом в области международного частного права, но и прекрасным юристом в широком понимании этого слова.

Loaded: 25-04-2024 PMt 20:02:45

В нашей жизни был один эпизод. Я должна была выступать экспертом по разрешению земельно-правового спора в Конституционном Суде и дать письменное экспертное заключение. Дело было очень сложное. Оно уходило корнями еще в советское законодательство. Одной из сторон была старушка, права которой оспаривали представители правительства Москвы. Речь шла о земельном участке, расположенном на территории Москвы.

Я очень волновалась, ведь это было весьма ответственное дело. Я видела, что права этой женщины абсолютно бесспорны и документы, которые были представлены в деле, об этом свидетельствуют. Я написала соответствующее экспертное заключение. Кому я могла дать его почитать? Счастье, что рядом со мной был Михаил Григорьевич. Я знаю, что как бы хорошо он ко мне ни относился, но если бы я ошибалась, он бы мне все сказал как есть, жалеть бы не стал.

И вот он читает мое заключение очень внимательно, очень углубленно. А я в это время хожу по коридору туда-сюда, волнуюсь так, как не волновалась ни на одном экзамене. Потом он прочел и говорит мне: «Ты умница моя!» Я даже не поверила, что слышу это от него! Это была самая большая похвала в моей жизни, душа наполнилась малиновым звоном! И я уже уверенно шла в Конституционный Суд и знала: раз Розенберг так сказал, мы выиграем.

— Суд на основе Вашего мнения принял решение?

— Да, Суд принял решение в пользу этой женщины.

Я и свои статьи давала Михаилу Григорьевичу читать. В особенности когда речь шла о разграничении предметов земельного и гражданского права. Специалисты по земельному праву обычно слышать не могли о том, что земельные отношения могут быть предметом гражданско-правового регулирования. Я к этому относилась совершенно спокойно, хотела найти золотую середину в подходах, главное, обоснованную.

— А Михаил Григорьевич с Вами в каких-то вопросах советовался?

— Он всегда давал мне читать свои статьи или читал какие-то отрывки из этих статей, чтобы я высказала свое мнение, поскольку у меня был многолетний опыт работы в журнале «Государство и право» в качестве главного редактора. Мы всегда прислушивались к пожеланиям друг друга. Это было очень тесное научное сотрудничество.

Я даже написала стихи, которые отражают характер наших взаимоотношений и наших чувств друг к другу.

…Когда я была главным редактором журнала «Государство и право», заставить мэтров науки, в том числе и моего мужа, написать статью в журнал было очень трудно, потому что с момента предоставления статьи и до ее опубликования по сугубо техническим причинам проходило много времени, в лучшем случае полгода. И я умоляла Михаила Григорьевича, а он совершенно не внял моим мольбам. И тогда я написала:

Распростершись в мольбе, заклинаю:
Напишите статейку в журнал!
Знаний, практики — всё Вам хватает,
И идей фейерверка накал.
Вспомним молодость, мэтры науки,
Альма-матер, любимый журнал,
Где печатались Вы не от скуки:
В жизнь дорогу кому-то он дал.
Пожалейте меня, ради бога,
Хоть раз в год осчастливьте журнал!
Осветите юристам дорогу
Или в грудь мне вонзите кинжал!

— Каким Михаил Григорьевич был в обычной, домашней жизни?

— Он был просто необыкновенным человеком. Мы прожили очень счастливо, правда, не так много лет. Несмотря на то, что мы знали друг друга около 30 лет, наша совместная жизнь началась только в 2001 г. Но тем не менее, когда мы справляли пятилетие нашей совместной жизни, мы думали, что у нас золотая свадьба, что мы прожили всю жизнь вместе. У нас было такое взаимопонимание, что не нужно было ничего объяснять, мы просто с полуслова понимали друг друга. Наше отношение к жизни, к элементарному быту, к отдыху, к взаимоотношениям между людьми всегда совпадало. Нам было очень легко друг с другом.

У него была необыкновенная энергетика. Когда мы поженились, ему было 76 лет, но я этого возраста не

Loaded: 25-04-2024 PMt 20:02:45

чувствовала. Мне трудно передать словами, каким он был. Я помню, пока он не начал болеть, он очень быстро ходил, даже скорее летал!

Должна сказать, что Михаил Григорьевич был очень мужественным человеком. 11 июля исполнился бы год, как ему сделали очень тяжелую операцию. Но он никогда не жаловался, никогда не имел претензий к врачам. Он всегда был благодарен им, и я тоже, потому что они делали все возможное и невозможное.

— Ирина Александровна, а что Вас привлекло в Михаиле Григорьевиче прежде всего как в человеке?

— Наверное, его доброта, его отношение к жизни и к людям, его эрудиция. Кроме того, он был очень обаятельным мужчиной даже в том возрасте, в котором мы поженились. Чего скрывать — я была влюблена в него! Это не был брак двух одиноких людей. Это был брак двух любящих, безумно любящих друг друга людей. И это было великое счастье.

Он был порядочный, бескорыстный и добрый человек. Мы всегда стремились помочь тем людям, которые нуждались в помощи. Это были и близкие люди, и приятели, которые попадали в беду. Михаил Григорьевич даже не представлял себе, как можно им не помочь. Я всегда разделяла это его стремление: если я хотела кому-то помочь и говорила ему, то у него не было абсолютно никаких сомнений по этому поводу.

Михаил Григорьевич очень любил и часто смотрел футбольные матчи. Хотя сам он в футбол никогда не играл, зато прекрасно играл в шахматы. В студенческие годы занял первое место на олимпиаде по шахматам в Москве. Еще мы очень любили лирику, лирические романсы, русские романсы, романсы западных композиторов, итальянские песни...

В общем, те годы, которые мы с Михаилом Григорьевичем прожили, были очень счастливыми.

Мы много путешествовали, отдыхали, как правило, летом на Рижском взморье, потому что там в это время нежарко. Но Михаил Григорьевич никогда в Балтийском море не купался, потому что оно очень мелкое, а Вы знаете рост Михаила Григорьевича. Надо было бы до Финляндии дойти, чтобы окунуться в воду! Но плавал он прекрасно, и осенью, когда жара спадала, мы ехали либо на Средиземное море, либо на Красное.

Михаил Григорьевич любил ходить. Поэтому мы с ним на отдыхе часто гуляли, он мне рассказывал всю свою жизнь, начиная с детства, о своем папе, которым он очень гордился и который много пережил.

— А расскажите что-нибудь!

— Я, к сожалению, не застала в живых ни его папу, ни его маму. Михаил Григорьевич рассказывал, что мама окончила консерваторию в Одессе. Они жили в Одессе, а потом его отца перевели в Харьков (Харьков был тогда столицей Украины). Михаил Григорьевич учился там в школе и даже знал украинский язык. Папа его был тоже юрист. Он был очень честным, порядочным человеком, несмотря на то что работал в органах НКВД. Дважды его арестовывали, потом освобождали, но это подкосило его, и он скончался довольно молодым. Думаю, что от своего отца, который был очень честным и принципиальным человеком, Михаил Григорьевич унаследовал эти качества.

— Он рассказывал, как выбрал юриспруденцию? Что его привлекло в профессии юриста?

— Он хотел стать юристом, потому что его отец был юристом. Он так был воспитан с малых лет. Но отец больше тяготел к уголовному праву, а Михаил Григорьевич пошел в цивилистику. Институт внешней торговли он выбрал потому, что хотел изучать язык.

Тогда было два очень престижных института — МГИМО и Институт внешней торговли. Михаил Григорьевич окончил школу с золотой медалью и великолепно прошел собеседования в Институте. Он всегда очень хорошо учился. От природы он способный человек и, кроме того, очень усидчивый, работоспособный, трудолюбивый.

— Говорят, что Михаила Григорьевича отличало то, что он, оставаясь в науке, никогда не терял связи с практикой. Может быть, в этом секрет его успеха как ученого?

— Я ему в этом отношении завидовала белой завистью, потому что в моей жизни так не сложилось. Он начинал как практик, и потом, когда он пришел

Loaded: 25-04-2024 PMt 20:02:45

в науку, у него был огромный багаж практического опыта.

Это просто смешно, но докторскую диссертацию по времени он защитил позже, чем я. Он был занят на практической работе, работал над созданием международных правовых актов, регулирующих внешнеэкономические отношения, и отдавал этому колоссальное количество времени, что не могло не сказаться на его здоровье. Он в свое время страдал сильной бессонницей, потому что работал и по ночам.

Перед защитой докторской диссертации он попал в больницу. Как только он пошел на поправку, решил из больницы сбежать. Мы привезли ему одежду. Он оделся, на кровать побросал свой халат и свои вещи, как будто он куда-то вышел, и направился в Институт законодательства, где защищал диссертацию.

Я присутствовала на защите. По-моему, защищался он блестяще.

Что касается последнего времени, то он, как известно, занимался обобщением и анализом решений, принимаемых МКАС.

Алексей Александрович Костин, когда узнал о кончине Михаила Григорьевича, сказал, что в какой-то момент задумался, кто же будет вместо Михаила Григорьевича заниматься обобщением практики. Ведь обобщение — это по сути анализ. Михаил Григорьевич с Алексеем Александровичем был в постоянном диалоге, когда изучал последние решения. Михаил Григорьевич звонил и высказывал свое мнение, иногда даже резко. Писал он весьма корректно. Это была тонкая и щепетильная работа: и людей не обидеть, и правду сказать, и сделать так, чтобы в будущем ошибки, на которые он указывал, не повторялись.

Иван Семенович Зыкин, когда у нас девять дней было, сказал, что у Михаила Григорьевича практика и теория шли в связке, из практики возникали теоретические выводы, которые лежали в основе изменения законодательства. Михаил Григорьевич принимал участие в разработке нормативных актов, и в этой работе огромный практический опыт давал ему очень многое.

Например, он принимал очень большое участие в разработке общих условий поставки в СЭВ. Руководитель их группы должен был куда-то уехать, и Михаилу Григорьевичу приходилось исполнять его обязанности. Это, конечно, была работа на износ.

— Он ведь еще был в составе советской делегации при разработке Венской конвенции?

— И разработка Венской конвенции тоже была на его плечах. Так что к крупным международным актам, которые регулируют внешнеторговые отношения, Михаил Григорьевич в той или иной степени был причастен.

— Михаил Григорьевич внес значительный вклад и в реформирование российского гражданского законодательства.

— Да. Он принимал участие в создании третьей части действующего ГК. Когда шла работа над новой редакцией Кодекса, Михаил Григорьевич участвовал в разработке и реформировании третьей части «Международное частное право». Естественно, к нему обращались, потому что у него был колоссальный опыт накоплен с момента принятия первого российского Гражданского кодекса 20 лет назад.

— Наверное, для него наука была естественной, неотделимой частью жизни. Как это сказывалось на вашей жизни?

— Он был предан науке. Я, зная его влюбленность в науку, написала ему стихи на французском языке. Смысл их заключался в том, что по случаю его юбилея все представители науки земельного права его поздравляют и ему желают быть всегда счастливым, быть всегда радостным, всегда любить женщин, особенно двух прекрасных дам, которые очень опасны, очень капризны, которые требуют большого терпения и которых зовут Ирэн и Наука.

Эти стихи тоже характеризуют наши взаимоотношения:

Виват, король науки нашей!
Всех для меня умней и краше!
Такого мужа в мире нет!
Заботливый отец, чудесный дед.
Нет больше счастья для меня,
После кошмарнейшего дня
Прийти домой, где мой Мишель меня встречает.

Loaded: 25-04-2024 PMt 20:02:45

Усталость как рукой снимает!
И я готова с ним опять
Важнейшие проблемы обсуждать.
Что за решенья принял МКАС? Какие новости в науке?
Что натворили наши внуки?
Какой обед сварила я?
Какие вести из Кремля?
Как надоели депутаты
И их дурацкие дебаты.
Ты терпеливо слушаешь меня,
Ведь голову тебе морочу я.
С землей какие сделки суть ничтожны?
С кого взимать убытки можно?
Какое юрлицо подходит РАН?
Как будет праздновать свой юбилей ИГПАН?
С улыбкой ты мне отвечаешь:
«Ты умница моя, ты что-то понимаешь!»
И вот я подвожу итог:
Ты для меня и царь, и бог!

— А какой работой ему больше нравилось заниматься? Научной деятельностью, преподавательской или все-таки практикой?

— Трудно сказать. Но Михаил Григорьевич не представлял себе науку без практики. И даже преподавательская работа его больше привлекала тогда, когда он читал лекции на бизнес-семинарах, потому что на них приезжали люди, которым действительно нужны были знания. Михаил Григорьевич приходил с этих лекций такой окрыленный, такой воодушевленный! Но я никогда не видела, чтобы он к этим лекциям специально готовился. Он набивал свой портфель какими-то книгами, материалами, которые должен был показывать, и ехал. Он не готовился потому, что у него была уникальная память. Он читал совершенно свободно, абсолютно ни в какие конспекты не глядя.

Мне очень хотелось когда-нибудь попасть на его лекции, чтобы послушать, как же он так читает. Но я работала и по времени у меня не получалось. Позже, когда появились записи на дисках, я с большим удовольствием слушала его лекции.

Кроме того, он очень не любил принимать устные экзамены. У него сохранились экзаменационные вопросы и письменные ответы студентов на билеты, которые я обнаружила, когда перебирала все его бумаги. Помню, он приходил, ложился на диван, брал письменные ответы студентов и читал их, ставил им отметки, писал объяснения. Он всегда объяснял, что не так, где ошибка. Преподавателем он, конечно, был очень строгим, пятерочку у него заработать было не так уж просто.

Но бизнес-семинары его вдохновляли, потому что на них приходили заинтересованные люди, они задавали вопросы и он понимал, что работает не зря.

— Михаил Григорьевич совмещал и практику, и науку, и преподавательскую деятельность. Как получалось у него находить время на всё?

— В последние годы он уже перешел в Академии внешней торговли на четверть ставки. Ему было трудно. Честно говоря, здоровье не было у него богатырским, и за те 12 лет, что мы прожили вместе, он перенес четыре или пять очень серьезных операций. Поэтому в Академии он снизил свою нагрузку до минимума, чтобы отдаться работе в МКАС, потому что считал, что это важнее. И были еще бизнес-семинары, которые вливали в него энергию.

В его характере была такая черта: он читал лекции по четыре — шесть часов и приезжал домой. Если меня не было дома, я ему оставляла обед. Вот он пообедает и ложится спать. Поспит полтора-два часа, потом встает и может сесть и работать. Да, и утром вскакивает! Я говорю: «Миша, мне некогда, иди завтракать скорее, я должна на работу бежать». Он отвечает: «Подожди, подожди, мне пришли в голову идеи, мысли! Я должен это записать». Вот так он работал, на ходу.

Я до сих пор не могу себе представить, что его нет. Это просто невозможно. Но он всегда будет со мной, в моем сердце.

Loaded: 25-04-2024 PMt 20:02:45